

О. ВОРОНОВА

ПОЛЕ
ЖИЗНИ

МУРМАНСКИЙ ОБЛАСТНОЙ
НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

ОКТЯБРИНА ВОРОНОВА

ПОЛЕ ЖИЗНИ

СТИХИ

Перевод с саамского *Владимира Смирнова*

МУРМАНСК, 1995

ББК 84.4(2РОС Саам)

B75

Воронова О. В.

B75 Поле жизни: Стихи. Перевод ссаамского
В. А. Смирнова. - Мурманск, 1995. - 80 с.

Октябрина Воронова (1934 - 1990) - первая саамская поэтесса, автор книг стихов "Снежница" (1986), "Вольная птица" (1987), "Чахкли" (1989), "Ялла" (1989, 1993).

“Поле жизни” - новый сборник стихов Октябрины Вороновой в переводе поэта Владимира Смирнова. Это книга о жизни, о северной природе, о войне, о любви.

4702010206

B_____ 11-95
OYO (03)

ББК 84.4(2РОС Саам)

ISBN 5-86975-031-8

© Мурманский областной
научно-методический центр
системы образования, 1995

Останутся книги

Над Чальмны-Варрэ светает. Рассасывается мгла над бескрайней ровной пустыней - заснеженным болотом. Только еще чернеет деревьями сосновый мысок, каменистой грядой вспарывающий болото, отчего и река здесь делает округлую петлю. Сейчас-то все под снегом - и застывшая река, и каменные россыпи на гряде, и даже сосны будто белые шапки до бровей нахлобучили.

Чальмны-Варрэ по-саамски означает "глаза леса". Давным-давно так называли деревню на Поное, даже Бинина бабушка не помнит - когда. А потом вдруг сказали: "Ваша деревня теперь Ивановкой называться будет". Почему? Бина этого тогда не понимала.

В доме Матрехиных тоже светлеет, хотя времени уже много - скоро обедать пора. Но полярная тьма густо опутала деревню и с трудом уступает место дню. На улице завывает ветер, тонко и протяжно, как подраненная собака. Где-то во дворе у сбившихся в кучу овец постукивает то ли незапертая дверца в стойле, то ли оторвавшаяся доска.

От большой русской печки в доме тепло. Взрослых никого нет - бабушка на работе, мать уехала на оленях в Ловозеро - она почтальон. А отец на фронте...

На полу, на разостланных оленьих шкурах играют тряпичными куклами шестеро двух- и трехлетних малышей. Бине - их няньке - семь лет. Она ходит между ними важная, словно понимает всю выпавшую на ее долю ответственность. Кому

рубашку заправит, кому нос подотрет. И все время напевает песни, десятки раз слышанные от бабушки и потому запомнившиеся наизусть. Малыши слушают свою няньку, только двое посапывают, надув губы. Им хочется есть.

В сенцах громко хлопнула дверь, и в избу вместе с клубами морозного пара шумно вошла бабушка. Она поставила на пол маленький бидончик, скинула у порога большие мягкие тоборки и, оставшись в одних липтах (меховых чулках), неслышно подошла к печке.

- Проголодались, бедные. Сейчас покормлю вас, погодите еще минутку.

Ребятишки перестали хлюпать носами, успокоились. А Бина им поет - о том, что полярная ночь не вечна, что скоро проглянет солнце и на улице потеплеет.

Снег лежит в сугробах пышных,
Легкий, мягкий, словно пыжик.
Солнце яркое с небес
Озаряет зимний лес...

Бабушка у плиты подняла голову над кастрюлькой, прислушалась.

- А такой песни я что-то не припомню. Ты у кого ее слыхала?

Бина посмотрела на бабушку темными, с едва заметной раскосинкой глазами.

- Ни у кого. Я так думаю, потому и пою.

- Значит, это твоя песня?

Она словно впервые окинула взглядом худенькую фигурку девочки в коротеньком пальтице и рваных чулках.

- Что же ты босая по дому ходишь?

Бабушка скрылась в другой комнате, хлопнула там тяжелой крышкой своего сундука и вышла с красными шерстяными носками в руках.

- Вот на-ко, натяни, умница. За песню это тебе. Все теплее ногам будет...

Как много лет спустя вспоминала Октябрину Владимировна Воронова (Бина Матрехина), это был ее первый “литературный” гонорар.

Только через 40 лет, и то не на родном языке, а в переводе на русский, появились ее книги - “Снежница”, “Вольная птица”, “Чахкли”. А затем и первая книга на саамском - “Ялла” (“Жизнь”). Но Октябрину Владимировна ее не увидела.

1 июня 1990 года она подписала последнюю заявку в Мурманское издательство - на новую книгу переводов “Поле жизни”. А 18 июня жизнь ее оборвалась. Но останутся книги. И те, которые выходили на русском, и те, которые еще будут выходить на саамском. Потому что письменная литература саамского народа началась с нее - Октябрины Владимировны Вороновой.

Так случилось, что после смерти Октябрины областное издательство тут же выбросило из своих планов и ее новую книгу:

- Зачем нам ее издавать в 1992 году, если в 1994-м, к 60-летию Октябрины Владимировны, мы издадим ее “Избранное” - наиболее полное собрание стихов, куда войдут и новые...

Через четыре года юбилей был отмечен. Но к этому времени не стало областного издательства, не появились и книги. А жаль. Можно сколько угодно говорить о развитии культуры народностей Крайнего Севера, о памяти первой саамской поэтессы, ставшей членом Союза писателей Рос-

сии. Но если не печатать ее произведения - все это будут пустые слова.

Пять лет лежала в моем столе рукопись стихов Октябрины Вороновой, ею (вместе со мной) составленная и вычитанная. Еще при жизни. Пять лет "пробивания" глухой стены, хождения по разного рода учреждениям, поисков средств для публикации книги. И спасибо комитету по делам народностей Крайнего Севера при нашей областной администрации, что именно они первыми поняли необходимость этого издания, нашли и выделили нужные средства. Благодаря работникам этого комитета (С.Б. Семяшкину и Н.Б. Богданову) и появилась книга, которой еще сама Октябрьина дала название - "Поле жизни"

Поле жизни -
оно бесконечно,
Да другим это поле пахать...

Эти слова выбиты на граните памятника, что стоит сейчас на могиле первой саамской поэтессы в селе Ловозеро.

*В. Смирнов,
член Союза писателей России,
переводчик стихов
Октябрины Вороновой.*

Поле
жизни

Горы

Есть старинный обычай у вдов, матерей:
Все печали выплакивать серым горам,
Где, как эхо, извечная боль лопарей
Накопилась в ущельях по скалам и мхам.

Где всегда, даже в стылых полярных ночах,
Словно женские слезы, струится река.
Дышат холодом камни, как мертвый очаг,
И, как дети, уходят в туман облака.

Горы высятся строго вблизи и вдали.
Над вершинами снежными дымка парит.
И мне кажется:
Это - ладони Земли,
Отдающие нам минерал -
лопарит¹.

¹ Лопарит - минерал, открытый на Кольском полуострове.

* * *

Тундра моя, тундра, оленные края.
Тундра моя, тундра, кормилица моя.

Почему, скажи мне, дни твои горьки?
Возвели плотину поперек реки.

И теперь народ мой на иной земле -
В каменных доминах, в каменном селе.

Там гнилые чурки в чумах не дымят -
Греют батареи, лампочки горят.

А воды! Лишь только краны поверни,
И купайся в ванной целые-то дни.

Благодать какая! Живи да не тужи...
Что ж не успокоить мне своей души?

Тундра моя, тундра, оленные края.
Тундра моя, тундра, кормилица моя...

* * *

Сорок лет, как минула война.

Сорок лет...

Но помнится она.

Сорок лет...

Но чахлые кусты

Вздрагивают:

сумерки густы.

Что там будет?

Дождик или град?

Как суставы рук моих болят...

Сорок лет...

И вновь из толчеи

Жутких дней,

бурлящих, как ручьи,

Вспоминаю,

Матушка твердит:

“К непогоде, знать, в костях свербит”.

Только

Непогоды ль тут вина?

Я-то знаю:

Это все война.

Сорок лет...

Немалые годы.

Как болят суставы рук,

когда

Дождь иль град -

как пули по стене...

Все стерплю,

но только б - не к войне.

* * *

Не забыть поры военной,
Те печальные годы.

Мужики -
Народ оленный -
Все на фронт ушли тогда.

Рассказать бы мне стихами,
Как в сумятице тех дней
Стали девки пастухами,
Заменив собой
Парней...

Тяжелы оленьи тропы.
И когда весна придет?
По распадкам,
По сугробам
Стадо медленно бредет.

Аня Юрьева, бывало,
В чуме вскинется чуть свет:
“Шерсти много,
Денег мало,
Женихов и вовсе нет...”

А в селе, где лишь старухи
Все грустят по сыновьям,
Умерла от голодухи
Мама Анина -
Тадьян.

Всех сироток бабы бедной
Поднимали нелегко.
До зари,
Зари победной
Ох как было далеко!

* * *

Он очень не любил зеркал,
Дразнилки - так прозвал их с детства,
Поздней -

жену свою ругал:

Зачем пред зеркалом вертеться?

Кто смотрит на тебя в лесу?..

Уйдет с ружьем, не зная лени,

Подстрелит лося иль лису,

Загонит дикого оленя.

Но стало с возрастом ему

Ходить труднее на охоту.

Все чаще он сидел в дому,

И все же находил работу.

Он ладил нарты.

По бревну

Весь день стучал топорик глухо,

Но как-то попросил жену:

- Подай-ко зеркальце, старуха.

Хочу взглянуть,

каким в гробу

Меня народ лесной запомнит...

Почмокал, выпятив губу,

А к ночи лег в постель

И помер.

Жена на кладбище свезла,

В дому прибрала, как умела,

Потом на стены поглядела

И поснимала зеркала.

Поле жизни

Человеческий быт переменчив.
Все сильнее тревожит меня:
Поле жизни становится меньше,
Ближе кромка последнего дня.
Нет печалей и радостей вечных.
Но гляжу я, прищурив глаза:
Отделясь от проталинок вешних
Шумно птицы летят в небеса.
Поле жизни для них - это воздух
Солнца свет, синева, облака.
Там за звездами -

новые звезды,
Не открытые нами пока.
Нету связи с другими мирами,
Не доходит дотуда сигнал.
Сделать все,
 что не сделано нами,
Завещается нашим сынам.
Пусть всех дней моих туже колечко, -
В сердце боль начинает стихать.
Поле жизни -
 оно бесконечно,
Да другим это поле пахать.

Военный почтальон

Матери Клавдии Григорьевне

Уезжает Клавдия.
У дома - упряжка.
Двести верст по сугробам
Протянется след.
Тут бывалым мужчинам
И то будет тяжко.
Ну, а женщине?..
Впрочем,
Мужчин-то и нет.

Уезжает Клавдия...
В далеком райцентре
У почтамта людей собралось -
Не пройти.
Письма с фронта
Становятся грузом бесценным.
А придут похоронки?
Их тоже везти...

Уезжает Клавдия,
Как прежде бывало.
За года
В ремесле пообыкна своем:
Не сбиваться в пургу
На крутых перевалах
И, волков не боясь,
Спать в обнимку с ружьем.

Уезжает Клавдия.
И надо прощаться.

Беспокойно
Олени рогами стучат.
У крыльца
Трое деток ее суетятся,
И ручонками машут,
И громко кричат.

Мать-старуха корит:
- Тронешь в путь,
Примечаю,
Хоть бы раз обернулась
Ведь дети твои...

А Клавдия

Лишь только вздыхает печально:

- Не хочу,
Чтобы видели
Слезы мои.

* * *

Уйдет пурга.

И день из плена вырвется.

И снова даль прозрачна и светла.

Лишь вдалеке

¹ протяжным ревом гирваса

Завоюют побежденные ветра.

И долго этот вой землей покатится,

По стылой тундре, ледяной реке.

И даже синь небес -

И та покажется

Напоминанье о былой пурге...

Мы думаем порой:

¹ Гирвас - бык (олень).

Ушло отчаянье,
И снова жизнь бурлит у нас в крови.
Но сами слышим
только песнь печальную
О той давно исчезнувшей любви.

* * *

Дни быстрой и быстрой летят.
И дитя незаметно растет.
Говорят ему:
 - Та-а-тадт.
Это значит - иди вперед.

Пусть пока что недалеко,
Ручки вытяни и - скорей!
Всем дается он нелегко -
Самый первый шаг до дверей.

В школе

Отошла пора морошки,
Повстречался с ночью день.
Невод, сети и мережки
Для рыбалки ладит дед.

Завтра снова я уеду,
Как бывает в сентябре.
Будет жаль прощаться с дедом
И с рыбалкой на заре.

Старший брат мне скажет:
- Надо
В школу дальнюю спешить.
В Ловозерском интернате
Будет весело вам жить.
Там из тундры, как обычно,
Понаедет детвора.
Не остудят дом кирпичный
Ни морозы, ни ветра...

Собираюсь в путь-дорогу,
До свидания, река.
От урока до урока
Перемена коротка.
Я задачи там решаю
И учусь писать стихи.
Но и в школе
Жду я мая,
Жду я дедовской ухи.

Вирма

Речка Вирма,
Речка Вирма,
Что таишь ты в глубине?
С бережка крутого видно
Каждый камушек на дне.
Разлилась ты в устье вольно.
Под ветрами там и тут
В серебристых шапках волны,
Будто пыжики, бегут.
Кто длину твою измерит?
Ты журчишь, средь гор юля.

Вир

в саамском значит -

берег,

Ма -

родимая земля.

Сквозь меня, как сердцевина,
Как целебная струя,
Протекла речушка Вирма,
Вирма -

родина моя!

Ключ

В колодце стала пропадать вода.
Все чаще ведра поднимаю с илом.
Я даже не заметила,
когда
Струю на дне колодца замутило!

Куда же подевалась голубень?
Куда девалась звонкая прохлада?
Мне подобрать бы подходящий день,
Родник на дне омолодить бы надо.

Я вычерпаю грязь,
Налажу сруб
И роднику в песке подправлю ложе,
Чтобы могла вода касаться губ
Моих односельчан и всех прохожих.

И отразятся звезды в глубине,
И голубень воды вскипит от бега.
И будет ключ, бушующий на дне,
Ключом волшебным
к сердцу человека.

Земля

Земля родная!
Ты всегда красива,
Всегда ты неоглядна и близка,
Омытая дождями, в дымке синей,
Воспетая людьми во все века.
В зеленом платье, с оторочкой лисьей,
Всегда в труде -

без отдыха и сна...

Рассказывала бабушка Анисья,
Как на оленях ехала она.
Тянулся за упряжкой след кережный¹
Вдруг громкий голос
Снизу, из-под трав:
- Зачем ты ездишь так неосторожно?
Ты сбила шапку мне.

Вернись, поправь...

Глядит - и правда:
Сбитый с камня ягель,
Как бороной, разодран на куски.
Оставишь так - не будет больше ягод.
Вернуться и поправить -

пустяки...

Земля!
В цветах, в траве или под снегом -
Ты дорога нам даже и в горсти.
Любому я скажу:
Будь человеком,
Куда б ни шел -

земле не навреди!

¹ Кережа - древние саамские сани без полозьев (волокуши).

Береза

На пожне,
На краю покоса,
Седая,
древняя, как миф,
Растет двуствольная береза,
Вершины к небу устремив.
И два ствOLA под небесами
Шумят приветливо листвой.
Приходят коми и саами
По праздникам
к березе той.
Она ветвями чуть поникнет,
В подарках понимая толк:
Кто бисера наденет нитку,
Кто шелка алый лоскуток.
Сливаясь в русле хоровода,
Как будто воды в ручейке,
Поют два тундровых народа
На всем понятном языке.
Поют легко,
Поют спокойно.
У них в любые времена,
Как у березы этой корни,
Земля-кормилица
одна!

Облака

Сяду в кресло я.
И двигатель взревет.
Словно птица, взмоет к небу самолет.
Проблеснут его покатые бока,
И останутся под нами облака.

Облака - как в море пенные валы.
Облака - как первый снег, они белы.
Облака - как птичий пух, они легки,
Вечно рядышком и вечно далеки.

Кудловаты, словно вата, облака.
Теребит их ветра жесткая рука.
А над ними только солнца вечный свет.
Но не тают облака,
Не тают, нет.

В облаках порой мне чудятся деды.
Их всклокоченные бороды седы.
Наши предки, что до нас еще века
Жизнь прожили и ушли.
Как облака.

* * *

В края далекие уеду
От злых ветров и холодин.
Там распустило бабье лето
Нить серебристых паутин.
Где тополя в окно стучатся,
Где липы выше крыш стоят,
В семейных горестях и счастье
Живет кровинушка моя...

Но грустно в этом доме станет,
Когда из северных широт
Холодный ветер вдруг потянет,
Знакомый запах донесет.
И сердце так забывается тяжко,
И в путь захочется скорей.
И будет грезиться упряжка -
Олени,
нарты
и хорей!

* * *

Живешь -
как будто бы чадишь
Свечным захватанным огарком.
А ветер дунул и -
глядишь -
Вновь пламя встрепенулось ярко.
И свет стал виден далеко...
И, выходя наутро к людям,
Ты сам свободно и легко
Вздохнешь расправившейся грудью.

Тетя Настя

Пою... Глаза слезами застит.
Пою... Слова ищу точней...
Ах, тетя Настя,
Тетя Настя!
Ты знала много трудных дней.
Жила в квартире коммунальной,
Где лампа не светлей окна.
Но как ложился твой орнамент
На коврик красного сукна.
Ты швы вести умела четко,
Будь это малица, пимы.
Неискушенные девчонки,
Тебе завидовали мы.
И ты учila нас,
Учила,
Где бисер наложить, где шелк...
Ну, кто мне скажет,
В чем причина,
Что твой последний час пришел?
И лампа у окна погасла.
Игла застыла в ровном шве...
Но главное твое богатство
Осталось в нашем мастерстве.
И потому ты все живая.
Пусть над могилой
Сквозь года
Горит твоя сторожевая
Пятилучевая звезда.

* * *

Вновь несчастье...
Да с кем не бывало!
Только верь -
перемелется все.

Как весною снега с перевала,
Жизнь печали твои рассосет...
Но порою
все эти напасти
Вызывают понятную злость,
Как заноза,
застрявшая в пальце,
Как в подошве расшатанный гвоздь.

* * *

Тайны мира -
И добра, и зла -
Не постичь, наверно, никому...
Мать на свет мальчишку родила ..
Появилось
солнышко в дому.
Мать в заботе крутится без сна:
То еда, то стирка, то шитье.
Но зато в кроватке у окна
Мирно спит
Грядущее ее.
Стены деревянные да печь.
Шкуры на полу взамен ковров.
Пусть растет,
чтоб дом ему - до плеч,
Богатырь из сказочных миров.

В жизни все дается нелегко...
Чтоб дитя росло из года в год,
Мать ему не только молоко -
Счастье и надежду отдает.

Свети, костер

*Нет, жизнь меня не обделила,
Добром своим не обошла.
Всего с лихвой дано мне было
В дорогу - света и тепла...*

А. Твардовский

Как помню я себя -
с тех пор
Живу средь праздников и буден.
Полвека светит мой костер,
Даря тепло хорошим людям.
Как ночь глухая ни мертвa,
Но ранним утром, будто грезы,
Блестят на окнах кружева -
Творенье мастера-мороза.
В них ветви сосен и берез,
То тундры белые, то горы.
И каждый год хитрец-мороз
Сплетает новые узоры.
Не повторится никогда,
Что было - уж не будет снова...
Но отступают холода
Под натиском тепла шального.
Глазки проталинок черны.
Над домом пурпурки летают.

И от дыхания весны
Узоры с окон пропадают.
Совсем не зря гласит молва,
Что в нашей жизни быстротечной
Людской работы кружева
Намного зимних долговечней.
Их руки нежные плетут.
И в днях, бегущих чередою,
Они творцов переживут,
Поскольку сделаны с душою...
Вот потому
В пургу ль, в тиши
Средь гор крутых и тундр убогих
Свети,
 костер моей души,
Всем, кто находится в дороге.

Дорога

Опять дорога вдаль уходит,
Опять в простор далекий манит
И тает в ясном небосводе,
И глохнет в темной глухомани.
Так, очарован тишиною,
И мой отец смотрел когда-то,
Пока с котомкой за спину
Сам не потопал в путь

солдатом.

Я тоже на нее смотрела,
Стояла долго на пороге,
Не зная, что наступит время -
Мой сын

уйдет по той дороге.

Уходим все -
С бедой, с печалью,
Прощаясь с отчими местами...
Дорога может слиться с далью,
Но даль дорогою

не станет.

Сыну

По ровной дороге иль зыбкой тропе
Уйду я в пространство немое.
Мой сын, не забудь:
Остается тебе
Отечество наше родное.

Пусть будет пурга, круговорть, ветровой -
Не бойся стихии холодной.
Полярной звездой
Над твоей буровой
Зажжется огонь путеводный.

По добруму взгляду и крепкой руке
Узнаешь ты кровного брата,
И с ним простоите в ночном далеке
И вахту, и две - если надо.
Потом вы поделите хлеб на столе
И койку, как это бывает...

Я знаю:
Ты твердо стоишь на земле,
И это меня согревает.

* * *

Как упрямо река
Пробивает по тундре дорогу
Среди ржавых болот
И скалистых застуженных гор.
Отдыхая на плесах
И вновь закипая в порогах,
К морю рвется она,
В голубой
Бесконечный простор...

Человек,
Современник,
Ты тоже стремишься к народу,
Ты впадаешь в него
Так, как в море впадает река.
Только лишь у народа
Богатства несметны, как воды,
И, наверно, поэтому
Щедрость его велика...

Море дышит легко,
Круто волны вздымаются к небу.
Но - не дай Бог! - погода
Попробует тучи сгустить:
Сколько в штурме морском
Возмущения, злости и гнева...
Я прошу вас,
Не надо, пожалуйста,
Море мутить!

**ВРЕМЕНА
ГОДА**

* * *

Над туманной поволокою,
Как над водами озер,
Солнце огненною лодкою
Выплывает из-за гор.

Твердый наст лучами колется -
Ни проехать, ни пройти.
И в сугробах влага копится,
Чтоб ручьям пробить пути.

Плещет неба синь далекая.
Сосны золотом горят.
Как у шали кисти легкие,
Над окном сосульки в ряд.

Снег сойдет.
Пройдет распутица.
Наведет весна красу.
И душа твоя распустится,
Как подснежники в лесу.

Ручеек

Оаяй¹,
Ручеек,
Светлая душа.
Ты течешь из-под ног,
Галькою шурша.
Ты бежишь, будто свет,
Что несут века.
Ты летишь, когда нет
Даже ветерка.

Я кораблик пущу
Лебедем в струю.
Уплывает - погрущу,
А потом спою:
Не устану спешить
К голубой волне.
Лишь бы
не осушить
Камушки на дне.

¹ Оаяй - ручеек (саам.).

* * *

Травы детства,
Травы детства
Возле старенького чума!..
Никуда от вас не деться,
Не забыть ваш запах чудный.
Таял снег.
И вечер поздний
Становился чист и светел.
За рекой широкой пожни
Покрывались разноцветьем.
Одуванчиков круженье...
Кашки кружево резное...
И плыло воображенье,
Словно лодка по Пеною.
На простор родного края
Не могу я наглядеться.
К вам всей грудью припадаю,
Травы детства;
Травы детства...

* * *

На все чудесные края,
Что за лесами, за полями,
Мое родное Заполярье
Не променяю в жизни я.

Лишь там прекраснее живется,
Где есть отеческий порог.
Что мне на свете остается?
Семь расставаний,
Семь дорог.
Семь бесконечных дней недели.
Семь дуг, повисших над рекой.
Семь звезд Медведицы на небе.
Семь гор над северной тайгой...

Все это память днем и ночью
Хранит во сне и наяву,
Пока живу в сторонке отчей,
Пока живу.
Пока живу...

* * *

Весной, как бы зиме на страх,
Чтоб обновить природу,
Сжигают мусор на кострах
В соседних огородах.
Одни костры вовсю трещат,
Другие чуть дымятся.
И ветры их задуть спешат,
Дожди залить стремятся.
И хоть недолго им гореть,
Легко смотрю на это:
Сжигаю мусор,
Чтоб и впредь
Была чиста планета.

Пора дождя

Над селом, ветрам открытым,
В небе молния сердито
Расписалась, как пером.
А за нею грянул гром.
И озоном вдруг запахло.
И тяжелый, как металл,
Над вершинами Альпахъке¹
Грозный бас зарокотал.
Будто великан из детства,
Брови черные сведя,
Встрепенулся, огляделся
И сказал:
- Пора дождя...
И полил он, многоструйный,
Легкий, дышащий теплом,
Над изжаждавшейся тундрой,
Над иссохшимся селом.
Как приятель безмятежный,
Словно что-то понимал,
Дождь и ласково, и нежно
Нас с тобою обнимал.

¹ Альпахъке - горы в Ловозерской тундре.

* * *

Весенний ветер - как дыханье

Родимой матери-земли.
Гусей летящих гоготанье
Над тундрой слышится вдали.
Весна...

Над травами и мхами
Бушует талая вода.
Весна щедра отпускниками,
Штурмующими поезда.

У них теперь одни заботы:
Умчать от этой суэты
На черноморские курорты
И на кавказские хребты...
А над озерами, лесами
Призывно стаи колготят.
И скажет вдруг старик-саан
- А гуси-то

сюда летят!
Так что ж они - людей глупее?
Ведь нет,
летят издалека,
Хоть здесь и море не теплее,
И горы не под облака...
Летят в косых лучах рассвета
От южных золотых полей.
Им и коротенько лето
В родном краю
всего милей.

Одуванчик

Он раскроется весной,
Как головка солнца,
Рыжий-рыжий,
Такой, что захватит дух.
Но лишь летнее тепло
По лучам прольется,
Полетит на траву
Белый-белый пух.
Наклонюсь я над цветком,
В мыслях погадаю,
Выдох свой отдам ему,
Как последний стон.
Пусть рассыплет семена
По родному краю.
Очень холодно у нас,
Это знает он.
В зимы злобствует мороз
И метели плачут.
Вот уже и в волосах
Седины полно...

Дед зовет свою старуху:
“Божий одуванчик”, -
И поверьте,
Никому
Это не смешно.

六

* * *

Дятел елку долбил:
Тук да тук, тук да тук.
Красноватая шапочка,
Клюв-долото.
А болото
Тянулось почти на версту,
Все в морошке,
Как будто ковер золотой.
Я, девчонка,
Спешила сюда сквозь лесок,
Через Курью протоку
По жердочке шла,
Чтобы солнечных ягод
Набрать туесок
И хранить их зимой,
Как крупицы тепла...
Вспоминать об ушедшем
Приятней добром,
И легко на душе,
И светлее в глазах.
Снова лето.
Болото, как прежде, ковром.
И морошки на нем,
Словно звезд в небесах.
Собирай -
Ведь какая награда к столу.
Но стою я,
И зябко мне даже в пальто:
Тот же дятел, как прежде,
Стучит по стволу.
Красноватая шапочка.
Клюв-долото...

* * *

Льет ливень без конца
С нахмуренных небес.
Озябли деревца,
Но он не умер - лес.
Он этой влагой сыт,
Приветствует рассвет.
Лишь тоненько дрожит
Березовая ветвь.

Хотя весенних вод
Немало утекло,
Во мне еще живет
Душевное тепло.
В моих коротких снах
Льет солнце яркий свет,
И красочно в лугах
Горит цветов букет.

Смотри, как молода
Река без белых льдин.
И падает вода
На лопасти турбин.
Пусть в снеговом дыму
Еще спешить ветрам.
Но нет в моем дому
Двойных оконных рам.

Ведь половодью тьмы
Не скоро быть пока.
И мы не ждем зимы -
Ни я и ни река.

* * *

Осень поздняя.
Ржавчина гложет
Ветви ив и берез у реки.
Но сегодня мне верится все же:
Наверстаёт и лето деньки.
Бабье лето...
Туманом повита
Деревенька лесная моя.
Не хочу вспоминать я обиды,
Не хочу одиночества я.
Ну и пусть это горькая осень, -
Свет над лесом еще не угас.
И на поле проклюнется озимь,
Словно поздние внуки у нас.
Мое шаткое счастье,
скорее
Непокоем меня одари,
От которого сердце добреет
И душа - как полоска зари.

Эхо

Гористый лес становится пустым.
Прохладно от промозглой непогоды.
Как долго будет длиться эта стынь?
И эхо отвечает:
- Годы... годы...

О зелени деревьям снятся сны.
Напрасно ищешь ягоды, грибы ли.
Ведь по приметам быть они должны.
И эхо подтверждает:
- Были... были...

Давно кукушка отсчитала дни
За тучи закатившемуся лету.
Тепло и солнце - где теперь они?
И лишь хохочет эхо:
- Где-то... где-то...

Уймись ты, пересмешник-пустобрех.
Тебе ли знать, над нами балагуря,
Чем этот вечер так хорош и плох?
И эхо отвечает:
- Буря... буря...

Да что ты, эхо,
Знаю я сама,
Зачем дожди линуют неба просинь.
Ведь у порога топчется зима,
А ей жилья не уступает осень.

* * *

Мерзнет улица моя.
Лед на лужицах крепчает.
Захоложенный ноябрь,
Точно пьяного, качает.
То ползет щенком слепым,
То летит осатанело,
За собою все следы
Заметая пухом белым.
По натуре незлоблив,
Он командует некруто:
И стволы и ветви ив
Шубой снежною укутал.
Под сугробы травы скрыл,
Чтоб не мерзли долгой ночью.
Словно взмах лебяжьих крыл,
Прошумел
над краем отчим.
Чистит грейдер колею,
Но ему ль тягаться с выгой?
Греет улицу мою
Разве только

* * *

Первый снег принесла непогода.
Как бумага, он бел - хоть пиши.
Но не видно у берега лодок,
И в холодных домах - ни души.

Обезлюдела наша деревня,
Знать, такая настала пора.
Ледяными цветами деревья
Легкий иней украсил с утра.

Резкий ветер сечет, словно плеткой.
Смолкли в рощицах птиц голоса.
Скоро мутной затянутся пленкой
У реки голубые глаза.

Не взволнуют их снежные вихри,
Не встревожит их крик ребятни...
Не беда, что деревня утихла, -
Это только на зимние дни.

Пусть пустынно вокруг, молчаливо, -
За зимою нагрянет весна,
И река забушует в разливах,
И пробудится лес ото сна.

Тишина, будто стеклышико, треснет.
Снова веслами лодки взмахнут.
И ребячьи задорные песни
Вновь деревню мою всколыхнут.

Новый год

Месяц большой темноты
И окончание года
Вместе устроила ты,
Умная фея - Природа.
Кто бы собрался скорей
Нашей деревне на помошь
Ведрами всех фонарей
Вычерпать долгую полночь?..

К деду не ласится сон,
И не смыкаются веки.
Бродит по комнате он
В валенках и в душегрейке.
Бродит, вздыхает один.
Время так тянется долго.
“Может, до клуба дойти?
Там новогодняя елка...”

Пусть он с годами ослаб,
Хочет взглянуть, как на танцах
В свете неоновых ламп
Внуки его веселятся.
Но понимает стариk:
Хоть этот путь и не страшен,
Темень ночная стоиг
Зорким недремлюющим стражем.
Лягут морщинки у рта.
Только вздыхать и осталось...

Эх, темнота, темнота!
Зимняя добрая старость.

Тырган

Когда утихнет в январе пурга,
Начнут дымки над крышами струиться,
Мы запускали к облакам

тырган -

Фанерную трепещущую птицу.
Летел кружок стремительно, легко,
Как жаворонок, небо рассекая.
И свист его был слышен далеко,
Как будто из июня возникая.
За ним бросались мы вперегонки,
Как за живым, мелькавшим сквозь деревья.
А он парил над поймою реки,
Над снегом занесеною деревней.
Его полет всегда неповторим.
И до сих пор,

лишь стоит приглядеться:

Среди житейских осеней и зим
Тырган,

тырган

летит ко мне из детства.

Прорубь

Слабый ветерок задул под вечер,
Распушил поземки снежной прядь,
Мягкую, как будто шерсть овечья,
Белую и теплую, хоть гладь.

Дом в сугробах прячется до крыши,
Без лопаты не открыть дверей.
Только прорубь на реке застывшей
Синим оком смотрит на людей.

С детства всем нам хорошо знакома
Ледяная чашечка воды.
Присмотритесь:
От любого дома
К ней цепочкой тянутся следы.

А река струится и струится,
Звонкая, как песня, подо льдом.
Говорят, что, если изловчиться,
Можно солнце зачерпнуть ведром.

Пусть зима завьюжит снегом землю
Или стужей северной дохнет.
Если ночью прорубь и задремлет -
Вновь к рассвету око распахнет.

Ежедневно -
Было так и будет, -
В радости, печали и беде,
По утрам сюда приходят люди,
Благодарно кланяясь воде.

Луна

Нейве - день - к концу подходит.
Стали сумерки густы.
Наступает зимний холод
На дома и на кусты.
Поднялись сугробов гряды.
Наш автобус в рейс идет.
И луна с окошком рядом
Все бежит - не отстает.
То бледна, как молодица,
То красна, как медный круг,
То желтеет - золотится,
То зеленою станет вдруг.
Похвалиться, верно, хочет,
Что нарядам нет конца.
Так до самой поздней ночи
Перекрашивается.

В Крыму

Ветерка дыханье резкое.
Слоны скальные круты,
Как отроги Ловозерские
Иль Хибинские хребты.

Солнце щурится по-зимнему,
Листья зелень берегут.
И по морюшку по синему
Волны пенные бегут.

Надышаться б надо досыта
Этим воздухом морским
И увидеть ночью -
зезды-то

Словно сбиты в островки.
И туманы поднимаются,
Гор преображая вид...
А душа чего-то мается
И по родине болит.

В конце февраля

Два сезона меняют друг друга
У истоков полярного дня.
Выступает мороз по округе,
Как жених, на гулянье маня.
И пушистые белые пряди
Вдоль дорог завивают снега.
В кружевном подвенечном наряде
Хороводит невеста-пурга.
Но светлее становятся сутки.
Хмарь небес пробивают лучи...
Как-кап-кан, -
оживают сосульки.
Звень-звень-звень, -
Побежали ручьи.

* * *

Зачем у березы
Вы ветку сломали?
Затем ли,
Чтоб в лютый мороз и туман
Приблизить весну
На денек ли, на два ли...
Но, полноте, -
Это же только обман.
В стакане с водою
У ветки березы
Зимою
Листки начинают гореть:
Последняя радость,
Последние слезы
Пред тем как -
Уже навсегда -
Умереть.

Времена года

Первая радость моя - наступленье весны,
Из-под сугробов - веселые талые воды.
Лес, пробудившийся от канонад ледохода.
Солнце высокое.
Небо и дали ясны...

Радость вторая - неяркий морошковый свет.
Робкие листья короткого блеклого лета.
В тундре полярной - разливы бескрайнего света.
Всплески в озерах -
Утехи рыбакских примет...

Третья же радость - пора пожинанья плодов.
Чтоб закрома в каждом доме наполнились на год.
Есть на болотах места вызревания ягод,
А по лесам -
Золотые поляны грибов...

Радость четвертая - снежные склоны горы.
Черное небо в больших ослепительных звездах.
Будто уходит земля на заслуженный отдых,
Теплою шубою
Недра укрыв до поры...

Только ко мне не приходит покой никогда.
Я лишь тогда обрету состоянье покоя,
Если однажды узнаю, поверю в такое:
Людям нужна я
Во всякие дни и года.

Тайна
Бабьего озера
(Акъ-явр)

*Саамская
легенда*

Чем была бы земля
Без зеленых лесов островерхих?
Чем была бы земля
Без раздольных озер голубых?
Потому навсегда
Сохранится в любом человеке
Уваженье к земле,
Как к кормилице предков своих.
Есть богатство в лесах -
Это ягоды, птицы и звери.
Сколько рыбы в озерах и реках -
Поди сосчитай.
Много люди хранят
О природе
чудесных поверий.
И природе
о людях
Известно достаточно тайн.

* * *

Пролистаем, как книгу,
Назад
за страницей страницу
Жизнь таежной земли,
И озер,
и болотистых тундр
И уйдем
в край такой красоты,
Что во сне не приснится,
Край оленных людей -
Молчаливых суровых натур.

Там такие леса:
Вверх посмотришь -
и шапки на землю,
В белый ягель запустишь ладонь -
Не отыщешь корней...
Берег дикого озера
Густо усеяла зелень,
Только крупные капли морошки,
Как солнышки, в ней.
И на том берегу
На бревешке, обдутом ветрами,
Две красивые женщины,
Тихо вздыхая с тоски,
Ждут, когда же вернутся
Мужья их, ушедшие ранью, -
Два саама,
два брата,
Охотники и рыбаки.
Вечереет над лесом.
Ни Педэра нет, ни Юввана.
Берестяные зыбки
У женщин стоят за спиной.
И ведут разговор молодые -
Мария и Аннэ,
Как тревожно и чутко
Им спится порою ночной.
Дел дневных было множество:
Насобирали брусники,
Наловили сигов,
Накормили детей и себя...
Вот и солнце полночное
Чуть к горизонту поникло
И глядит,
как две женщины
Все на бревешке сидят.

* * *

А за озером кротким,
За лесом, застывшим и чутким,
Жили люди,

которым

Утехой была лишь война.

Нападали огромной толпой
Кровожадные чудтлэ¹

На соседей-саамов,
На малые их племена.

Убивали мужчин
И дотла разоряли селенья,
И топили детей, как щенков,
И бесчестили жен,

И в чужие края
Угоняли саамских оленей,
И молоденьких девушек
Вслед уводили в полон.

И сейчас эти чудтлэ
Тихонько ползли по болотам,
Пробирались лесами,
Скрываясь за каждым кустом.

Будто знали они,
Что мужчины ушли на охоту,
И остались одни
Две красавицы в чуме пустом.

Но не спали красавицы,
Лишь задремали немного,
Сlyша, как в костерке
Робко корчились сучья в огне.
Не сама ли земля

¹ Чудтлэ - чужеземцы (саам.).

Их сердцам подсказала тревогу?
Вдруг вскочили они,
Озираясь в глухой тишине.

Дрожью в спелой листве
Прокатился вдоль озера ужас.
Воздух вмиг загустел,
Стал таким, что хоть пряжу пряди.
Марья сжала в ладонях
Копье непришедшего мужа,
Аннэ бросилась в гору,
Детей прижимая к груди...

На высокой скале,
Обрывавшейся в озеро круто,
Две сосны поднимались,
Как сестры, густы и стройны.
Молчаливые стражи,
Зеленые факелы будто,
Далеко-далеко
Из-за озера были видны.

А внизу
 у подножья -
Откуда такие берутся? -
Бесновались враги:
Все им надо пожечь и сломать.
Что им Марьи копье?
Разве с женщиной долго дерутся? -
Повалили,
 связали
И начали пировать.

Есть у братьев богатства -
Жемчуга, и одежды, и пимы¹,
Есть и рыба, и мясо -
Дары благодатной земли.
Все разграбили чудлэ,
А после обильного пира,
Надругавшись над Марьушкой,
Спать у костра залегли...

* * *

А на скальной вершине,
С трудом убаюкав детишек,
Аннэ сосны рубила,
Чтоб поняли братья:
беда.

Затрещали деревья -
Хотя и старалась потише,
Загремели каменья,
И громко всплеснула вода.
И вскочили разбойники:
“Птица вторая осталась!” -
И полезли на гору,
Рискуя сорваться с камней.
А вершина

блестела на солнце.

Как лысиной старец,
И сосны ни одной уже
Не зеленело на ней.

Как маяк, из-за озера
Виделась эта вершина.
Далеко-далеко

заприметили братья ее.

¹ Пимы - обувь из шкур.

Почему облысела она?
Что в их доме свершилось?
Почему над горою
Кружит и кружит воронье?

И решили они:
Возвращаться им к женам и детям.
Собрались,
заспешили
По тундрам, болотам, лесам.
Им немного бы раньше
Сигнал заприметить -
да где там!

Необъятны просторы -
Подстать голубым небесам.

* * *

Чудтлэ лезут упрямо на гору,
Все ближе и ближе.
Вот уж им до вершины
Осталось десяток шагов.
Аннэ встала на край,
Прижимая к груди ребятишек.
Лучше вниз
со скалы,
Чем добычею стать для врагов.

Наклонилась она.
И по озеру рябь пробежала.
И заплакали дети
На женских усталых руках.
А высоко на небе
Печальное солнце дрожало

И, не в силах помочь ей,
Топило тоску в облаках.

Пошатнулась земля,
В тот же миг
стали каменной глыбой
Аннэ,
двоих детей
У обрыва на самом краю.
В страхе чудилы смотрели -
Ни смеха уже, ни улыбок, -
Не смогли удержать
Улетевшую птицу свою.

Там, где сосны зеленые
Кроны тугие вздымали,
Изваянье из камня
Застыло над бездною вод.
И в отчаянье чудилы
Тяжелые копья сломали
И спустились с горы
Собираться в обратный поход.

Загрузили добро -
А награблено было немало, -
И на лодках саамских
Пошли во владенье свое.
На одной из них Марьюшка -
Связаны руки -
лежала.

Было зябко врагам
От холодного взгляда ее.
От бортов невысоких
Воды доносилось плесканье.

Все уже потеряя,
Что Мария отыщет в плену?
И взмахнула ногой она,
Скинула легкую каньгу¹
В голубую родную
Бежавшую следом волну.
И сейчас же на озеро
Темная хмаръ накатила.
И ветра разгулялись.
И вздыбились грозно валы.
Где уж лодкам тягаться
С такой необузданной силой, -
Раскидало,

опружило

И поглотило средь мглы...
Улеглась непогода,
Прошли штормовые заряды.
Полуночное солнце
В свои заступило права.
На озерном безбрежье
Взошли каменистые гряды -
Неуютные

голье

Мертвые острова.
Но один был зеленым,
В цветах иван-чая, ромашек.
Лес прохладой притягивал
В дикой своей красоте.
Лишь березы шептали
Печальное

“Марьушка, Маша...”

И тяжелые ветви
Клонили к студеной воде.

¹ Каньги - вид обуви.

* * *

Поздно братья вернулись,
Хотя что есть мочи спешили.
Нет на кинтище¹ больше
Ни жен, ни жилья, ни добра.
Тишина и забвенье...
И только на голой вершине
Изваянье из камня, -
А сосны шумели вчера.

Что у камня спросить?
Камень даже заплакать не в силах.
Прижимаются к Аннэ
Лишенные счастья сыны.
Смотрит женщина молча
На юго-восток,
на Россию,
Словно ждет
избавленья и помощи
С той стороны.
Словно знает:
когда-нибудь
К жизни откроются двери.
Будет солнце сиять над землей,
И рассеется мгла...

Много люди хранят
О природе
прекрасных поверий,
И природа о людях
Достаточно тайн сберегла.

¹ Кинтище - место постоянного селения саамов.

**Огонь
костра**

* * *

Огонь костра сродни
Большому солнцу лета.
Он согревает дни,
Им люди обогреты.
То вспыхнет на ветру,
Как стяг, взметнувшись кверху.
То на полене вдруг
Мигнет пушинкой вербы
И пропадет во мглу,
Оставив горечь дыма
И серую золу
На почве нелюдимой...
А наша жизнь,
Как есть,
С костром не схожа разве?
Кто в ней сгорает весь
И в будний день,
И в праздник,
Сам становясь, как стяг,
Для всех людей планеты...
Кто говорит:
- Пустяк,
В горенье смысла нету...
Тот будет только тлеть.
Он бесполезен людям.
Не сможет он согреть
Ни в дождь,
Ни в холод лютый.
Его задавит мгла,
Задушит горечь дыма.
И на ветру зола
Рассеется незримо.

* * *

Сегодня ты явился мне во сне...
И на душе вдруг сделалось светлее.
И солнечные блики на стене,
Как в танце, закружились веселее.
Блестят полы и даже потолки,
Чиста, на кухне светится посуда.
Омыли зелень сосны у реки,
И весь поселок праздничный, как чудо.
Сегодня ты явился мне во сне...
Как-будто кто-то с первою капелью,
Большой и добрый, в чуткой тишине
Зашел в мою заброшенную келью.
И в тот же миг свершились все дела,
Откуда только появились силы.
И на окне фиалка расцвела,
И я сама вдруг сделалась красивой.
Сегодня ты явился мне во сне...
А если бы ты рядом был со мною,
Сияло б вечно солнце в вышине
И никуда не пряталось зимою.
И вечно б рядом слышался твой смех,
Не становилось в комнатах темнее.
Счастливые умеют делать всех
Радушнее, добре и умнее.

.....

Сегодня ты явился мне во сне.

Кадриль

За деревней на опушке
Нынче игрища идут.
И веселые частушки
На деревьях ветви рвут.

Среди бела среди дня
Лопин сватает меня.
Ой ты, мамочка моя,
Лопарихой буду я...

Лавешьк старая не может
Танцевать - на пне сидит.
Федор тоже не моложе,
Но топочет-семенит.

Не глядите никогда
На женитьбу и года.
Ну, и что ж, что не плясун, -
Хоть портками потрясу...

Как резва молодка Вяццу.
Рядом шурин, словно лось.
Что-то шумно веселятся, -
Как бы плакать не пришлось.

Ой, конфетка ледениста.
Полюбила гармониста.
Голосисто он поет,
А на сердце только лед...

Звонче в говоре баяньем
Голоса девчат, парней.
Есть пока тропа к поляне,
Впредь -

дорога будет к ней!

* * *

Дровами в жарком камельке
Сгорают прошлые обиды.
И мы сидим -
рука к руке,
Тепло и свет вокруг разлиты.

Еще вчера лишь для меня
Ты просто был чужою болью,
И в свете одного огня
Не думала сидеть с тобою.

А тишина вокруг острой,
И ни к чему упреки, споры.
Горят обиды на костре,
Потрескивая, словно порох.

Сгорели, как печальный быт,
И на тепло и свет распались.
И лишь крупицы тех обид
Золою в памяти остались.

* * *

Наряды мои и скромны и недороги.
Где тут отыскать и фасон, и красу?
Наверное, в них бы стеснялась я в городе,
А здесь-то -

кого мне бояться в лесу?

Как в детстве,
С утра я отправлюсь по ягоды,
Из красной смородины бусы свяжу.
И пусть засверкают они, словно яхонты.
Хоть час -

да по лесу княжной похожу.

В росе охолону затекшие ноги,
Студеной воды из ручья изопью.

А после

таежные добрые боги
Наполнят богатством корзинку мою.

* * *

На миг вернулась в юность,
Пропавшую в дыму.
Как будто прикоснулась
К заветному чему,
К тому, что отгорело,
Волнуясь и любя.
Как будто посмотрела
Сквозь зеркало в себя.

От боли в сердце тесно.
Что ж бередить года?
А ты поешь мне песню
Одну и ту же всегда,
Поешь, мотив не зная,
По десять раз на дню:
“Тебя, моя родная,
Ни с чем я не сравню...”

* * *

Куда же ты, обласканная птица?
Остыл очаг былых горячих дней.
И что тебе в родном гнезде не спится?
Неужто воля впрямь тебе нужней?

Высок простор.
Он манит наши души.
Но что изменит он в твоей судьбе?
И кто еще споет на сон грядущий
Любовное признание тебе?

Лети, от ветра свежего шалея,
Держа большое тело на весу.
Мне холодно,
Но я не сожалею.
Мне тяжело,
Но груз я пронесу.

Живи, моя обласканная птица,
В своем небесном голубом раю.
Но если вновь придется приземлиться,
Ты знай:
я больше песен
не пою!

Разлука

В 8 часов отправляется поезд.
Ты уже выправил в кассе билет.
Вот и прочитана скучная повесть,
Что сочиняли мы несколько лет.

Куришь...
Бросаешь

и тянешь другую,
Хоть и нельзя тебе много курить.
Ну, неужели в минуту такую
Нам не найдется о чем говорить?

Подан состав.

Ты стремишься к вагону,
8 часов не пробило еще.

Стой, погоди!

Рядом - сын,

твой ребенок

Молча слезу вытирает со щек.

Ну, оглянись,

попрощайся с мальчишкой

И хоть словечком его обнадежь.

Пусть он поверит, как в сказочной книжке,
В эту прекрасную добрую ложь...

Рвется гудок над сторонкой лесною.

8...

Как два обручальных кольца...

Рельсы уходят железной лыжнею,
Долгой, холодной...

И нет ей конца.

* * *

Не ищу я заколдованной травы,
Не зову к себе ни ведьм и ни чертей.
Где же счастье, о котором пели вы, -
Все гадалки давней юности моей?

Ни товарища, ни друга у меня.
Голова, как склоны горные, седа.
Прошлогодним снегом душу леденя,
Все хорошее уходит, -
 а куда?

Но гадалки утешают: ну и пусть,
Что печалиться?
И старость - не беда.
Ведь и в жизни-то была не только грусть
И не только снег,
не только холода...

* * *

Истаяла любовь, как звездный след.
Теперь уж - точно - не услышу вовсе
Слова, что я ждала пятнадцать лет,
Пятнадцать зим, и осеней, и весен.

Не дождалась...
А ты и не спросил, -
Да и к чему ненужные вопросы? -
Ушел туда, где дождик моросил
И где рыдали у реки березы...

Но от дождя
теплеет лишь земля,
Над ней бушуют запахи июня.
И первые густые зелени
Пьянят меня, как памятная юность.

И верится в родном своем краю,
Шагая по распахнутому лугу,
Что я гнездо по-новому совью,
И все начнется
по второму кругу.

* * *

Хочу остаться на земле
Хотя бы искоркой в золе,
Хотя б в скромном рассвете дня,
Чтоб дети помнили меня.

Хочу остаться жить, любя,
В упрямом сердце у тебя,
В певучих голосах тайги,
В журчании живой реки.

Хочу остаться без оков
В прохладе легких облаков,
В чуть слышном шелесте травы,
В дороге, что избрали вы.

Хоть малым лучиком во мгле -
Хочу
остаться
на земле!

Содержание

Останутся книги (от переводчика) 3

Поле жизни

Горы.....	9
“Тундра моя, тундра...”	10
“Сорок лет, как минула война...”	11
“Не забыть поры военной...”	12
“Он очень не любил зеркал...”	13
Поле жизни.....	14
Военный почтальон.....	15
“Уйдет пурга...”	16
“Дни быстрей и быстрей летят...”	17
В школе.....	18
Вирма.....	19
Ключ.....	20
Земля.....	21
Береза.....	22
Облака	23
“В края далекие уеду...”	24
“Живешь - как будто бы чадишь...”	24
Тетя Настя.....	25
“Вновь несчастье...”	26
“Тайны мира...”	26
Свети, костер.....	27
Дорога	29
Сыну	30
“Как упрямо река...”	31

Времена года

“Над туманной поволокою...”	33
Ручеек	34
“Травы детства...”	35
“На все чудесные края...”	36
“Весной, как бы зиме на страх...”	37
Пора дождя	38
“Весенний ветер - как дыханье...”	39
Одуванчик	40
“Летняя медовая пора...”	41

“Дятел елку долбил...”	42
“Льет ливень без конца...”	43
“Осень поздняя...”	44
Эхо.....	45
“Мерзнет улица моя...”	46
“Первый снег принесла непогода...”	47
Новый год.....	48
Тырган	49
Прорубь	50
Луна	51
В Крыму.....	52
В конце февраля	53
“Зачем у березы...”	54
Времена года	55

Тайна Бабьего озера (Акъ-явл)

Саамская легенда	56
------------------------	----

Огонь костра

“Огонь костра сродни...”	67
“Сегодня ты явился мне во сне...”	68
Кадриль.....	69
“Дровами в жарком камельке...”	70
“Наряды мои и скромны и недороги...”	71
“На миг вернулась в юность...”	72
“Куда же ты, обласканная птица...”	73
Разлука.....	74
“Не ищу я заколдованной травы...”	75
“Истаяла любовь, как звездный след...”	76
“Хочу остаться на земле...”	77

Литературно-художественное издание

Октябрина Владимировна Воронова

ПОЛЕ ЖИЗНИ

Стихи

ЛР № 070964

Редактор И. С. Давиденко

Художник В. В. Бочаров

Технический редактор М. Д. Молчанова

Корректор И. С. Давиденко

Компьютерный набор Л. Л. Шевцовой

Сдано в набор 25.04.95 г. Подписано в печать 1.06.95 г.

Формат 70x90/32. Бумага офсетная № 2. Гарнитура Таймс.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,9. Уч.-изд. л. 2,5.

Тираж 1000 экз. Заказ 2369.

Мурманский областной научно-методический центр

системы образования

183031 г. Мурманск, ул. Подстаницкого, 1

Мурманское издательско-полиграфическое

предприятие "Север"

183624 г. Мурманск, ул. К. Маркса, 18

